

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.47438/2309-7078_2025_3_192

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Сун Цзяньхуа¹

Хэнаньский университет¹
Кайфэн, Китай

¹Доктор филологических наук, преподаватель факультета русского языка института иностранных языков,
ORCID ID: 0009-0000-5557-7454, e-mail: songjianhua97@163.com.

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможных векторов эволюции русской фразеологии в процессе ее развития. Фразеологизмы по своей природе являются условными, но не «неизменными» знаками. Предметом исследования служат исторические изменения русской фразеологии. Цель исследования – выявление наиболее характерных эволюционных процессов русских фразеологизмов. В данной работе применяется диахронный подход, уточняется мнение о том, что развитие времени и общества приводит к изменению культурных и ситуативных контекстов коммуникации, в которых используются фразеологизмы, что, в свою очередь, влияет на системную эволюцию правил употребления фразеологизмов, по нашему наблюдению, на трех уровнях: формальной структуры, внутренней формы и фразеологического значения. Основными векторами эволюции русской фразеологии являются замена компонента, трансформация образа и изменение значения фразеологизмов. Смело говоря, за каждым фразеологизмом стоит вся история языкового и социокультурного развития.

Ключевые слова: эволюция, русская фразеология, фразеологизмы, диахрония, формальная структура, внутренняя форма, фразеологическое значение, замена компонента, трансформация образа, изменение значения.

Для цитирования: Сун Цзяньхуа. Основные векторы эволюции русской фразеологии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2025. № 3. С. 192–198. DOI: 10.47438/2309-7078_2025_3_192

Введение

Использование языка является внутренним стимулом для эволюции языковых знаков, а эволюция фразеологии – это накопление изменений в ее использовании [17, с. 38]. Язык как продукт употребления не является абсолютно стабильной, а представляет собой динамическую систему, которая постоянно изменяется под воздействием речевой деятельности пользователей языка. Меняющиеся экономические, политические и социальные условия приводят к изменениям в коммуникативных потребностях и контекстах использования языка разными носителями. Адаптация фразеологической системы к этим изменениям в конечном итоге реализуются через регулирование составляющих единиц этой системы.

Исходя из этого лингвистического факта, изучение развития фразеологии должно не просто заканчиваться на моменте коллективного признания фразеологизмов языковым сообществом, т.е. на этапе конвенционализации знака, но и учитывать изменения, происходящие в процессе общего развития фразеологизмов как передаваемых по наследству единиц,

иначе разрывается историческая связь между разными этапами последовательного развития фразеологии и игнорируется динамическая природа фразеологической системы языка.

Как отмечает И. А. Бодуэн де Куртенэ, в языке «нет стазиса»: «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [4, с. 349]. Под устойчивостью фразеологизма мы понимаем не исключение возможности изменения, а скорее «ограниченное разнообразие». Ограничение разнообразия – результат языковой инерции, т.е. договоренные отношения между означающим и означаемым знака признаются подавляющим большинством членов языкового сообщества, воспроизводятся в языковом употреблении и, таким образом, становятся относительно фиксированными. В то же время временная непрерывность развития языковой системы, несомненно, приводит к тому, что ее единицы с течением

времени претерпевают постоянные изменения, отражая наследование и развитие человеческого мышления конкретного народа. Фразеологизмы, являясь важной частью языковой знаковой системы, также не остаются и не могут оставаться вне этого состояния. Структурная и/или семантическая и образная реконструкция являются источником мотивации для того, чтобы фразеологизмы были постоянно актуальными в историческом развитии языка и культуры.

Результаты

Фразеологизмы – это устойчивые единицы национального языка, обладающие фиксированной структурой и целостным переносным значением, которые часто рассматриваются как «живые ископаемые» и «жемчужины» языка. Фразеологизмы по своей природе являются условными, но не «неизменными» знаками. В процессе своего существования с момента появления фразеологизмы могут претерпеть эволюционные изменения различных типов. Ключевой особенностью функционирования языка является то, что языковые выражения часто нуждаются в обработке в соответствии с различными личностями субъектов, их намерениями и целями, а также различными коммуникативными ситуациями, и такая обработка делает невозможным шаблонное неизменное использование фразеологии [18, с. 3].

Язык способен гибко реагировать на социальные изменения и приспосабливаться к потребностям выражения в тот или иной момент. Русский ученый Е. Д. Поливанов отмечал, что «лексика (с фразеологией) – единственная область языковых явлений, где само содержание культуры (данного коллектива в данную эпоху) отражается более или менее непосредственно. Вот почему здесь быстрее всего (даже в пределах языка одного и того же поколения) может обнаруживаться результат социально-экономической мутации» [10, с. 209]. Развитие времени и общества приводит к изменению культурных и ситуативных контекстов коммуникации, в которых используются фразеологизмы, что, в свою очередь, влияет на системную эволюцию правил употребления фразеологизмов, по нашему наблюдению, на трех уровнях: формальной структуры, внутренней формы и фразеологического значения.

Замена компонента фразеологизма

На уровне формальной структуры эволюция русской фразеологии проявляется в основном в замене компонента. Развитие языка происходит за счет постепенного накопления новых элементов и исчезновения старых атрибутов. Контекст появления фразеологизмов носит ярко выраженный исторический характер и, как правило, ориентирован на культурные традиции, нередко находящиеся в отрыве от опыта современного языкового сообщества. В современном русском языке некоторые устаревшие фразеологизмы¹, частотность употребления которых значительно снизилась, могут возрождаться путем замены компонентов, что является адаптивным процессом, регулируемым самоорганизационной системой языка.

Устаревшие фразеологизмы бывают двух основных типов: (1) фразеологизмы с историзмами, т.е. в связи с тем, что определенные понятия и вещи исчезли из жизни, соответствующие слова-компоненты вошли в негативный лексикон; (2) фразеологизмы с архаизмами, т.е. названия определенных понятий и реалий в современном языке уже заменены другими словами. Общим для них является то, что ни один тип не имеет соответствующей омонимической формы, т.е. эти фразеологизмы, в силу нереальности объекта-референта, не употребляются в современном русском языке в прямом значении компонентов. Основным критерием разграничения историзмов и архаизмов является наличие или отсутствие у них синонимов: историзмы не имеют и не могут иметь синонимов в современном русском языке, например, *турусы*, *рожон*, *баклуши*, *сокол* и т.д. Значения и образы историзмов, возможно, уже исчезли из языкового сознания современных носителей языка, редко осознаются как таковые и воспроизводятся только как компоненты конкретных фразеологизмов, например, *турусы на колесах*, *лезть на рожон*, *бить баклуши*, *гол как сокол* и т.д. Архаизмы же, как правило, способны образовывать синонимические группы с более современными словами, например, *ланита* vs. *щека*, *перст* vs. *палец*, *выя* vs. *шея*, *око* vs. *глаз*, *чело* vs. *лоб* и т.д. Такие слова обычно сохраняются как составные элементы в литературных произведениях (особенно в стихах), а также как компоненты фразеологизмов, например, *один как перст*, *согнуть выю*, *око за око*, *бить челом* и т.д.

Путем замены компонентов, т.е. замены архаичных компонентов более активными лексическими, фонологическими или грамматическими формами русского языка, соответствующими нормам современного литературного языка, устаревшие фразеологизмы приобретают новую силу в современной языковой жизни и, возможно, постепенно превращаются в новые альтернативные формы исходных фразеологизмов при постоянном накоплении их функционирования. Эти альтернативы обычно сосуществуют в русской фразеологической системе наряду с исходными архаичными формами, но, как правило, чаще воспроизводятся в современной повседневной речи, например, *стоять у кормила* → *стоять у руля*, *витать в эмпиреях* → *витать в облаках*, *мерить на свой аршин* → *мерить своей меркой*, *нести ахинею* → *нести вздор*, *ни слыху ни дыху* → *ни слуху ни духу*, *золотой телец* → *золотой телец*, *на сон грядущим* → *на сон грядущий*, *на оном свете* → *на том свете* и т.д. Такая замена – объективный результат исторической эволюции русского языка, отражающий следы развития и «нормализующего воздействия» [11, с. 147] русской лексической, фонологической и грамматической системы, а также тесную связь между прошлым, настоящим и будущим национального языка.

Трансформация образа фразеологизма

К. И. Декатова подчеркивает, что для знаков косвенно-производной номинации (ЗКН), таких как

¹. Обычно это фразеологизмы из древнерусского и старославянского языка и фразеологизмы, связанные с историческими событиями до XIX века [16, с. 12].

фразеологизмы, следует разграничить понятия «генетический дискурс» и «дискурс актуализации»: первый – это дискурс «рождения», формирования ЗКН, а второй – это дискурс, в котором употребляется уже вошедший в языковую систему знак [6, с. 12]. Соответственно, в прагматике действуют два вида контекстов: этимологический, т.е. исходная среда появления фразеологизмов, тесно связанная с социальным и культурным фоном; и реальный, т.е. среда употребления фразеологизмов в текущей речи. На уровне внутренней формы, когда реальный контекст, в котором живет субъект языка, резко меняется, исходный контекст может со временем забываться, что приводит к явлению синхронной этимологии, или так называемой «народной этимологии» фразеологизмов, т.е. переосмыслению первоначальной образной мотивировки более современной, основанной на национальном языковом сознании текущего момента².

Среди трех элементов фразеологического знака «фразеологическое значение – внутренняя форма – грамматическая структура (форма)», посредник, то есть внутренняя форма, является наиболее изменчивым элементом, и его изменения можно разделить на два типа: (1) демотивация первоначальной внутренней формы; (2) реинтерпретация внутренней формы с синхронной точки зрения. Второй тип изменений О. И. Блинова называет «ремотивацией» [3, с. 72], что обозначает тенденцию развития языковых знаков в противоположность демотивации. Соответственно, при затухании внутренней формы фразеологизмы могут превращаться либо в единицы, в которых компоненты полностью слиты и в которых утрачена мотивированная связь между формой и значением, либо в переосмысленные единицы, когда говорящий понимает и использует тот или иной фразеологизм не на основе первоначальной формально-смысловой связи знака в момент его возникновения, а на основе реального контекста настоящего времени, и таким образом реализуется реактуализация знака.

Например, фразеологизм *держат нос по ветру* происходит от морской лексики с образной основой «подстраивать нос корабля под направление ветра», что означает «беспринципное изменение своего поведения, мнения в соответствии с изменениями внешних условий». Но в языковом сознании многих современных носителей русского языка образ данного фразеологизма фактически ассоциируется не с кораблем, а с поведением собак, волков, медведей, лис и других животных, которые определяют окружающую среду и охотятся за пищей с помощью обоняния. Другой пример – фразеологизм *животный страх*, что означает «сильный страх», первоначально основывался на архаизме *живот-1* – «жизнь» (вместо *живот-2*, в знач. «желудок»)³, то есть имел значение «бояться так, как будто опасаясь за свою жизнь», но в настоящее время он чаще всего воспринимается

тесно связанным со словом *животное* (зверь) и трактуется как «страх настолько сильный, что человек теряет рассудок и бесится, как животное». При таких трансформациях фразеологическое значение может изменяться совместно с образным обоснованием, например, фразеологизм *колотить себя в грудь* имеет библейское происхождение и обозначает битье в грудь в знак скорби при кончине царя или родственника в старые времена, а в современном русском языке образ названного фразеологизма воспринимается как обычный жест человека, пытающегося что-то доказать своему собеседнику, в результате чего значение названного фразеологизма меняется и он приобретает значение «твердая гарантия искренности своих слов и поступков». В современном языковом сознании внутренняя форма таких переинтерпретированных фразеологизмов по-прежнему считается «прозрачной», но в какой-то степени уже она тронута «тенью забвения» [8, с. 586] и открыта для творческой интерпретационной деятельности современного субъекта языка.

Образная основа фразеологизмов является важным элементом национального языкового сознания. С течением времени интерпретация значения и образа некоторых фразеологизмов, как уже было отмечено, может существенно меняться. При этом трансформационные фразеологизмы демонстрируют тенденцию потери ретроспективного характера. Так, например, В. М. Мокиенко реконструировал первоначальный образ фразеологизма *вешать собак на (шею) кого-либо*, утверждая, что компонент *собака*, возможно, первоначально означал «репейник, который вешался на одежду врага с целью заговора», что сильно отличается от того образа «собаки» (животного), который возникает в сознании современных носителей русского языка при восприятии данного фразеологизма. Названный фразеологизм часто понимается буквально как «повесить на кого-нибудь собаку», что нередко вызывает недоумение и у носителей русского языка, и у изучающих русский язык как иностранный.

Другой аналогичный пример: *гол как сокол* – это сравнительная единица, состоящая из трех частей: краткой формы прилагательного *голый*, сравнительного союза *как* и существительного-метафоры *сокол*. Сравнение *как сокол* по значению эквивалентно наречию *очень* и фонетически рифмуется с краткой формой прилагательного *гол*. Само прилагательное *голый* может употребляться не только в прямом значении, но и в метафорическом значении «бедный», при этом однокоренное существительное *голытьба* означает «бедность». Существительное-метафора, как указывает Н. М. Шанский, не имеет ничего общего с привычной птицей (со́кол), что очевидно не только из исходного значения слова *голый*, но и из позиции ударения существительного сокол (на последнем

² Такая интерпретация рассматривается исторической лингвистикой как неправильное понимание первоначального обоснования фразеологизмов, несовместимое с научной этимологией, поэтому часто описывается в литературе как «ложная этимология».

³ Известно, что исчезнувшие из современного русского литературного языка слова или отдельные этимологические значения нередко отражаются в составе фразеологизмов. Сравните другой русский фразеологизм с компонентом *живот* в значении «жизнь»: *не на живот, а на смерть*, что означает «ценой своей жизни» или «достаточно решительно».

слоге) [12, с. 218]. По одной из версий, существительное *сокол* существовало в древнерусском языке для обозначения железного прута или круглого бревна, обтянутого гладким железом, которое в древности использовалось для пробивания городских стен. Только сейчас это слово редко встречается и сохраняется в русском языке в качестве единицы пассивного лексикона. По другой версии, *сокол* – это неправильное произношение или изменение звучания слова *сукол*, означающее толстые деревянные палки, которые поддерживают и удерживают заборы в земле. Когда забор был поврежден, эти палки оставались стоять голыми в земле, что, в свою очередь, было использовано для описания одиночества. Однако, несмотря на то что внутренние формы таких фразеологизмов достаточно сложно расшифровывать для обычных пользователей языка, они достаточно активно употребляются в повседневной речи и закрепляются в сознании пользователей в виде воспроизводимых единиц. Это объясняется тем, что, когда люди используют языковые знаки, они чаще всего не задумываются об их тысячелетней этимологической истории, а овладевают ими непосредственно в соответствующей культурной среде [20, с. 99].

Изменение значения фразеологизма

Фразеологизмы – это косвенно-производные номинативные знаки с большой дистанцией между формой и значением. Хотя фразеологизмы воспроизводятся, а не производятся как свободные словосочетания, связь между их означающими и означаемыми не является абсолютно прочной. Значения фразеологических знаков не статичны, а могут эволюционировать в новых контекстах употребления. Когда противоречие между этимологическим контекстом и реальным контекстом возникает регулярно, стандартное словарное употребление и обычное коммуникативное употребление фразеологизмов могут не соответствовать друг другу, и первое часто заменяется вторым или сосуществует со вторым, что вызывает «семантическое обогащение» или «семантическую нелогизацию» фразеологических знаков, в результате чего происходит расширение, сужение, деривация, pejoration, melioration и другие изменения рациональных и модальных значений.

Значение фразеологизмов меняется и расширяется постепенно, например, фразеологизм *отрезанный ломоть* происходит от пословицы *Отрезанный ломоть к хлебу (каравая) не приставишь*, в основе которой лежит образ пищи, имеющей важное символическое значение в русской жизни – хлеба. Фразеологизм возникает в этимологическом контексте древнего обряда бракосочетания дочери, при котором замужняя женщина пекла большой круглый каравай, символизирующий счастье и благополучие супружеской жизни, а молодожены должны были взять соль и хлеб, оторвать или отрезать небольшой кусочек хлеба и съесть его, переступив порог дома в начале свадьбы. Изначально фразеологизм использовался для обозначения «замужней дочери», которая больше не нуждалась в родительской опеке. Позже его значение постепенно расширялось: семы «женщина» и «замужняя» нейтрализовались, образовав более широкую семантику и обозначив «человека, покинувшего семью и начавшего самостоятельную

жизнь». Между деривационным и первоначальным значениями существуют гиперо-гипонимические отношения. На основе этого экстенционал фразеологизма далее расширяется: сема «семья» нейтрализуется, образуя второе значение – «человек, покинувший привычную среду, образ жизни и деятельности».

Другой пример – фразеологизм *места не столь отдалённые* изначально был официальным термином в царско-российском законодательстве до революции 1917 года, когда существовало два вида наказания в виде ссылки в Сибирь: более тяжёлое, при котором преступника «ссылали в отдалённую часть Сибири», и более лёгкое, когда преступник должен был быть «сослан в менее отдалённую часть Сибири», в основном в северную часть России, Уральские районы и Западную Сибирь. После революции данный фразеологизм употреблялся как бы по инерции, но уже не для обозначения ссылки, а для обозначения тюремного заключения. Теперь он обычно иронически означает такие места, как тюрьмы, исправительные учреждения, поселения где-либо по приговору суда и иногда употребляется в переносном значении – «путешествие куда-либо».

Фразеологизмы как комплексные номинативно-оценочные единицы обозначают дискурсивно-модальные концепты, отражающие интенциональность субъекта и адаптированные к конкретному контексту. Модальная репрезентация является важной составляющей значения фразеологизма, передавая эмоциональное отношение субъекта к объекту речи. Как две противоположные тенденции, pejoration и melioration занимают важное место в семантической трансформации фразеологизмов.

Pejoration в основном отражается в следующих двух случаях:

(1) В первом случае речь идет о семантическом развитии фразеологизмов-эвфемизмов. Эвфемизмы (euphemism) – это выражения некоторых табуированных или грубых тем мелиоративными, более мягкими выражениями, что называется в китайской риторике «ваньцю» или «ваньянь». В сущности, эвфемизмы – это языковое явление, в котором приятно звучащее косвенное название используется для выражения чего-то, что неудобно назвать прямо. По Д. Н. Шмелёву, это слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими [13, с. 199]. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский **Ошибка! Источник ссылки не найден.** разделили русские эвфемизмы на два типа: эвфемизмы, заменяющие табу, и эвфемизмы, заменяющие вульгаризмы, что в целом соответствует мнению крупного китайского ученого, специалиста по риторике Чэнь Ваньдао [14]. Многие фразеологизмы в русском языке выполняют функцию эвфемизации, например, *старуха с косой, почить в бозе, заснуть вечным сном, отправляться на тот свет, жёлтый дом, в интересном положении, ночная бабочка, пойти налево, положить с прибором, в чём мать родила* и другие. По сравнению с нефразеологическими эвфемизмами, фразеологизмы-эвфемизмы требуют у общающихся сторон бо-

более высокого уровня языковой и культурной подготовки. Понимание некоторых фразеологизмов требует знания соответствующих исторических аллюзий и культурной информации. Например, фразеологизм *груз 200* изначально был советским военным термином. «Груз 200» – это военная маркировка для воздушной перевозки останков солдат, которая метонимически используется для обозначения «останков мертвых». Фразеологизм *с левой ноги встать* обозначает плохое настроение, что связано с традиционным культурным стереотипом «дьявол слева, а ангелы справа», в соответствии с которым вещи или действия, находящиеся на «левой» стороне, ассоциируются в русском языковом сознании с негативными и неблагоприятными коннотациями.

Эвфемизмы характеризуются двунаправленным развитием семантики. Эвфемизмы должны создавать в сознании говорящего и слушающего более положительную оценку, чем прямое выражение, пониженные оценочные выражения не входят в сферу эвфемизмов. Установлено, что в процессе воспроизведения фразеологизмов возникает явление, противоположное эвфемизации, а именно деэвфемизация, то есть первоначальные фразеологизмы-эвфемизмы «скатываются» по риторической шкале и превращаются в «деэвфемизмы» или новые табу. Это происходит потому, что, как только некоторые эвфемизмы становятся постоянными названиями нежелательных предметов, их эвфемистическое значение постепенно утрачивается, и, когда люди встречают эти единицы, они сразу же думают о запретной вещи, так что сами эвфемизмы также становятся запретными вместе с объектами, которые они обозначают [19, с. 7]. Например, разговорный фразеологизм *сыграть в ящик* изначально был косвенной номинацией тяжелого понятия «смерть», но после того как он стал привычным выражением языкового коллектива, фразеологизм утратил эвфемистическую функцию и приобрел фамильярную окраску и маркер сарказма, так что он больше не относится к категории эвфемизмов, а стал своего рода грубым выражением.

(2) Второй случай – это явление исключения между несколькими значениями одной фразеологической единицы. В процессе развития языка действует закон, согласно которому при появлении в языковой знаковой единице двух значений, хорошего и плохого, положительного и отрицательного, отрицательное значение стремится вытеснить положительное. Например, фразеологическая энантиосемия характерна для фразеологизма *получить по заслугам*, который имеет два противоположных значения: «быть вознагражденным за достижения» и «быть наказанным за непристойное поведение». Между двумя значениями существует деривационная связь, где положительное значение является базовым, соответствующим буквальному значению фразеологизма, а отрицательное значение – производным. В современном русском языке более широко представлено употребление фразеологизма в значении «наказания», а не в значении «поощрения» [5,

с. 697]. Согласно другой точке зрения, переинтерпретация значения является одним из необходимых признаков фразеологичности, поэтому значение «наказание» рассматривается как единственное у фразеологизма, а выражение «получить по заслугам» со значением «поощрения» считается «коллокацией, коррелирующей с выражением «воздать по заслугам»» [7, с. 218].

Мелиорация значения фразеологизмов обычно связывается с трансформацией фразеологического образа в сознании носителей языка и социально-психологическими изменениями в языковом коллективе, способствующими нейтрализации отрицательной коннотации⁴. На примере фразеологизма *держат нос по ветру* четко проявляется влияние трансформации образа на развитие фразеологического значения и в определенной степени отражается изменение ценностных ориентаций носителей русского языка с течением времени. Путем анкетного опроса, в котором приняли участие 84 студента-респондента в возрасте 18-22 лет, Е. Б. Никифорова выяснила, что в языковом сознании современных носителей русского языка фразеологизм *держат нос по ветру* часто переходит от отрицательной оценки к положительной и означает «быть в курсе современных событий, быть достаточно информированным, чтобы ориентироваться в ситуации и корректировать свое поведение в соответствии с этими знаниями» [9, с. 101]. В этом смысле фразеологизм синонимичен другому русскому фразеологизму *ловить волну*. Оба означают «воспользоваться определенными (обычно благоприятными) событиями и условиями для решения какой-либо проблемы».

Выводы

Прослеживая влияние языкового использования и социальных изменений на реконструкцию фразеологических знаков, можно обнаружить, что в непрерывном процессе развития русской фразеологии возможны различные векторы ее эволюции, включая три вида: замену компонента, трансформацию образа и изменение значения фразеологизмов. Следует подчеркнуть, что эти изменения являются результатом общей языковой эволюции, отличаясь от речевой инновации индивида в конкретном контексте, т.е. уникальной интерпретации и использования фразеологизмов отдельными говорящими. Причина в том, что изменение языковых правил – это длительный коллективный бессознательный процесс, который воплощает системные и постоянные изменения языка и часто связан с исторической эволюцией целой языковой системы, языкового сознания, национальной психологии, социокультурной среды и т.д. А инновации в речевой деятельности – это мотивированное индивидуальным намерением поведение, которое воплощает спорадические и окказиональные изменения конкретных языковых единиц и обычно мотивировано намеренной модификацией в конкретных коммуникативных целях.

Надо признать, что не все фразеологизмы подвергаются вышеуказанным эволюционным процессам, например, некоторые из них могут перейти в разряд

⁴ В китайских научных кругах некоторые ученые называют это явление «депериоризацией» эмоциональной окраски

фразеологизмов и подчеркивают его тесную связь с изменениями в социальной психологии и ценностях [15, с. 36].

пассивных фразеологизмов, стать менее употребительными, или вовсе перестать быть коллективно употребляемыми, или даже вновь стать популярными после некоторого периода. К примеру, фразеологизм «барашек в бумажке переживает второе рождение, в последнее время часто отмечается в современной публицистике и литературе» [2, с. 212]. Выражение «завернуть баранью шкуру в бумагу» изначально было эвфемизмом для обозначения взятки, появившимся в XVII веке и отражавшим жизненные явления и общественные обычаи взяточничества того времени. Выражение было принято языковым коллективом как фразеологизм в результате неоднократного использования русским писателем-реали-

стом М. Е. Салтыковым-Щедриным в своих известных сатирических повестях. Однако в связи с социально-экономическим развитием и появлением новых форм подкупа баранья шкура перестала использоваться как символ ценного подарка, и фразеологизм постепенно вышел из употребления. Как видно, жизнь фразеологизмов очень сложна, и каждый из них заслуживает отдельного подробного обсуждения. Можно смело сказать, что за каждым фразеологизмом стоит вся история языкового и социокультурного развития.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Эвфемизация во фразеологии // Хвала и Хула в языке и коммуникации. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. С. 187–196.
2. Бирих А.К. Слово и дело: фразеологизмы судебно-правового происхождения в русском языке // Время языка: сб. статей памяти профессора В.В. Колесова. СПб.: Златоуст, 2021. С. 204–214.
3. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика. Томск: Изд-во Томского университета, 1984. 133 с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 384 с.
5. Вознесенская М.М. Энантиосемия в русской фразеологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной международной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. С. 689–698.
6. Декатова К.И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации. Волгоград: Перемена, 2009. 260 с.
7. Добровольский Д.О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 207–227.
8. Зимин В.И., Авдеева О.И. Синхронная этимология как средство уточнения значения фразеологизмов // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2. С. 585–595.
9. Никифорова Е.Б. Векторы развития семантики фразеологических единиц // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 2. С. 99–102.
10. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
11. Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М.: Высшая школа, 1976. 200 с.
12. Шанский Н.М. В мире слов. 2-е издание. М.: Просвещение, 1978. 319 с.
13. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
14. 陈望道. 修辞学发凡. 上海: 上海教育出版社, 1997.
15. 崔新颖. 当代汉语成语语义的发展变化——基于《现代汉语词典》不同版本的对比研究 // 励耘语言学刊. 2023(2): 26–38.
16. 刘光准. 再论俄语中的某些仿拟现象——关于俄语成语在言语实践中的动态性与开放性 // 中国俄语教学. 2003(4): 8–15.
17. 施春宏. 关于成语用变和演变的思考——从几则成语的现实使用谈起 // 汉语学习. 2006(6): 37–43.
18. 徐盛桓, 黄緬. 成语如何可能 // 外国语(上海外国语大学学报). 2024(6): 2–9.
19. 尹群. 论汉语委婉语的时代变异 // 修辞学习. 2003(2): 5–8.
20. 余红兵. 符号建模论. 苏州: 苏州大学出版社, 2019.

References

1. Baranov, A.N., Dobrovolsky, D.O. (2015) Euphemization in phraseology In: *Praise and Hula in Language and Communication*. Moscow, Russian State University for the Humanities, pp. 187–196. (In Russian)
2. Birikh, A.K. (2021) Word and deed: phraseologisms of judicial-legal origin in the Russian language. In: *Time of Language: a collection of articles in memory of Prof. V.V. Kolesov*. Kolesov. Saint Petersburg, Zlatoust publ., pp. 204–214. (In Russian)
3. Blinova, O.I. (1984) *Russian dialectology. Lexicon*. Tomsk, Tomsk University Press. 133 p. (In Russian)
4. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Selected works on general linguistics. Vol. 1*. Moscow, Press of the Academy of Sciences of the USSR. 384 p. (In Russian)
5. Voznesenskaya, M.M. (2011) Enantiosemy in Russian phraseology. In: *Computer Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the Annual International Conference*. Moscow, Russian State University for the Humanities, pp. 689–698. (In Russian)
6. Dekatova, K.I. (2009) *Smysloobrazovanie znakov indirectly-derivative nomination*. Volgograd, Peremena

publ. 260 p. (In Russian)

7. Dobrovolsky, D.O. (2011) Conversion and Actant Derivation in Phraseology. In: *Word and Language. Collection of articles for the eightieth anniversary of Academician Y.D. Apresyan*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, pp. 207–227. (In Russian)

8. Zimin, V.I., Avdeeva, O.I. (2021) Synchronous etymology as a means of clarifying the meaning of phraseologisms. *Cognitive Studies of Language*. (2), 585–595. (In Russian)

9. Nikiforova, E.B. (2010) Vectors of development of semantics of phraseological units. *Izvestia Volgograd State Pedagogical University*. (2), 99–102. (In Russian)

10. Polivanov, E.D. (1968) *Articles on general linguistics*. Moscow, Nauka publ. 376 p. (In Russian)

11. Popov, R.N. (1976) *Phraseologisms of the modern Russian language with archaic meanings and forms of words*. Moscow, Higher School. 200 p. (In Russian)

12. Shansky, N.M. (1978) *In the World of Words. 2nd edition*. Moscow, Prosveshchenie publ. 319 p. (In Russian)

13. Shmelev, D.N. (1977) *Modern Russian language. Lexicon*. Moscow, Prosveshchenie publ. 335 p. (In Russian)

14. Chen, Wangdao (1997) *The Origin of Rhetoric*. Shanghai, Shanghai Education Press. (In Chinese)

15. Cui, Xinying (2023) The Development and Change of the Semantics of Contemporary Chinese Idioms—A Comparative Study Based on Different Versions of Modern Chinese Dictionary. *Academic Journal of LIYUN*. (2), 26–38. (In Chinese)

16. Liu, Guangzhun (2003) On Some Parody Phenomena in the Russian Language: On the Dynamics and Openness Of Russian Idioms in Speech Practice . *Russian in China*. (4), 8–15. (In Chinese)

17. Shi, Chunhong. (2006) On Changes of Application and Development of Idioms. *Chinese Language Learning*. (6), 37–43. (In Chinese)

18. Xu, Shenghuan, Huang, Mian (2024) How and Why an Idiom Is Possible. *Journal of Foreign Languages*. (6), 2–9. (In Chinese)

19. Yin, Qun (2003) On the Variation of the Chinese Euphemism. *Contemporary Rhetoric*. (2), 5–8. (In Chinese)

20. Yu, Hongbing (2019) *On Semiotic Modeling*. Suzhou, Soochow university press. (In Chinese)

Поступила в редакцию 06.07.2025

Подписана в печать 30.09.2025

Original article

UDC 811.161.1

DOI: 10.47438/2309-7078_2025_3_192

MAIN VECTORS OF EVOLUTION OF RUSSIAN PHRASEOLOGY

Song Jianhua¹

Henan University¹
Kaifeng, China

¹ Dr. Philol. Sci., Lecturer of the Department of Russian Language, Institute of Foreign Languages,
ORCID ID: 0009-0000-5557-7454, e-mail: songjianhua97@163.com

Abstract. The article is devoted to the study of possible vectors of evolution of Russian phraseology in the process of its development. Phraseologisms by their nature are conditional, but not “unchangeable” signs. The subject of the study is the historical changes in Russian phraseology. The purpose of the study is to identify the most characteristic evolutionary processes of Russian phraseological signs. This paper applies diachronic approach, specifies the opinion that the development of time and society leads to changes in the cultural and situational contexts of communication in which phraseologisms are used, which, in turn, affects the systematic evolution of the rules of phraseological usage at three levels: formal structure, internal form and phraseological meaning. The main vectors of the evolution of Russian phraseology are the replacement of the component, transformation of the image and change in the meaning of phraseological signs. Boldly speaking, behind each phraseologism there is the whole history of linguistic and socio-cultural development.

Key words: evolution, Russian phraseology, phraseologisms, diachrony, formal structure, internal form, phraseological meaning, component replacement, image transformation, change of meaning.

Cite as: Song, Jianhua (2025) Main vectors of evolution of Russian phraseology. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (3), 192–198 (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2025_3_192

Received 06.07.2025

Accepted 30.09.2025